

Чего ждет читатель от журналов в 1948 году

... Наши журналы являются могучим средством Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, — его политикой (из Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»).

Эти слова следует снова вспомнить сейчас, на пороге нового года, когда нашим литературным журналам предстоит вступить в новую фазу своего развития.

Может быть, еще никогда перед советской литературой не стояли такие большие и такие почетные задачи. Безмерно вырос круг наших читателей, усложнились и стали многообразнее их запросы и требования. Это еще больше повысило значение нашей литературы, расширило ее возможности, укрепило ее основы. И журналы — идейные и производственные центры литературы — призваны отразить этот процесс ее развития и крепящую связь с читателем.

Партийность — вот главное, чем должны руководствоваться журналы в своей работе. Требования партийности должны осуществляться отнюдь не только в публицистике, не только в теоретических и литературно-критических статьях. Воинствующей большевистской партийности должна быть пронизана вся работа наших прозаиков и поэтов. И это в первую очередь означает, что героем нашей литературы должен стать большевик, передовой строитель новой жизни, подлинный герой нашего времени.

Партия — вот истинный вдохновитель и организатор наших побед. С именем партии связывает народ свою веру в реальность нашей программы, в торжество великих идей Ленина — Сталина. И образ коммуниста, руководителя масс в их борьбе за укрепление могущества нашей Родины и строительство коммунистического общества, должен занять в нашей литературе подобающее ему место рядом с образами большевика — организатора наших побед на фронтах Отечественной войны.

Если в мемуарах записок А. Федорова «Подпольный обком действует», И. Козлова «В Крымском полдние» образ большевика был нарисован правдивым пером очевидца и участника великих событий, то в ряде произведений образы большевиков предстают обедненными. Критика недостатков в том изображении большевиков, которое дано в романе «Молодая гвардия» А. Фадеева, должна дать творческий стимул нашим журналистам, повести к новым успехам литературы, к созданию полнокровных, жизненно правдивых образов деятелей великой, героической партии Ленина — Сталина.

Жизнь властно направляет движение нашей литературы, ставит перед ней новые темы, толкает ее на решение новых задач.

Подходит к концу второй год послевоенной сталинской пятилетки. Неудачных успехов достигла наша страна в этом году. Наша победа не только в новых корпусах гигантских заводов, не только в богатейшем урожае, какой дала стране колхозная деревня, не только в сотнях восстановленных и возрожденных городов и сел. Наша победа — в том новом подеме, объединившем советских людей вокруг партии Ленина — Сталина, который так ярко сказывается в эти предвыборные дни. Наша победа — в достигнутой нами идейно-моральной высоте советского человека, борца и строителя, смелого, разумного и свободомыслящего гражданина социалистической Родины. И советская литература, а следовательно, и наши журналы призваны отразить исторический смысл и величие этих побед.

В минувшем году тема социалистического труда еще не стала доминирующей в журналах. Если не считать хороших очерков Б. Галина и немногих других попыток воплотить эту тему в прозе, сделано еще очень немного для того, чтобы создать в литературе образ советского труженика — патриота, новатора и хозяина своего предприятия, своей страны, работающего над ее возрождением в послевоенные годы.

Долг писателя — отразить сегодня это новое, что возникло в жизни нашего рабочего класса и колхозного крестьянина, в духовном облике наших людей в годы войны и в годы послевоенного созидания. Редакция журналов и руководство Союза писателей должны организовать и возглавить движение литературы по пути овладения темой социалистического труда.

Однако, если взглянуть с этой точки зрения на планы и проспекты журналов, становится ясно, что редакции еще не поняли всей важности этой задачи и не сумели творчески мобилизовать своих авторов на ее выполнение. Те немногие заглавия романов и повестей, которые позволяют предло-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 63 (2378)

Суббота, 13 декабря 1947 г.

Цена 40 коп.

Сергей БОРЗЕНКО
Герой Советского Союза

У маршала Тито

Глава из романа
«Утоление жажды»

Агентура четников через Драже Михайловича, прочно обосновавшегося на Равной горе, указала немцам местопребывание штаба Тито. Штаб расположился в непроходимой местности, в неприступных горах. Там же был полевой лазарет, в котором все лето среди раненых пролежал Никита.

Роммель составил план операции. В расположение штаба Тито был выброшен парашютный десант, составленный из опытных десантников, захвативших в свое время остров Крит. Штаб попал в быстро сужавшееся кольцо. Выхода не было. Слишком мало было югославов и слишком много немцев. Высшие офицеры лежали за пулеметами среди нагроможденных камней, но не хватало патронов. Вызывать на помощь части, находившиеся слишком далеко, было бесполезно, они все равно не успели бы дойти.

Тито связался по радио с Советским командованием, объяснил обстановку. Ему ответили — готовьте посадочную площадку. Ночью за вами придет самолет. Условились об ориентирах и сигналах.

Никита лежал на постели, сделанной из сена, и смотрел в небо, где плавно парили две огромные птицы. Потребованные грехотом боя орлы никак не хотели улетать от своего гнезда, свитого на неприступной известковой скале. Недалеке ожесточенно стреляли из пулеметов.

Раненые беспокойно прислушивались. Давно они не слышали стрельбы так близко от штаба.

Никита с трудом приподнялся и увидел на небольшой поляне слева штабных работников, отскакивающих в сторону валунов. Несколько генералов поспешно сбалили рубли кусты, покрытые золотистыми и яркочерными листьями.

Мимо раненых в сопровождении черно-волосого человека в золотых очках прошел Тито.

— Боясь, самолету будет тяжело сесть ночью на этом пятке, — сказал спутник маршала, трогая рукой коротенькие черные усики.

— Хороший летчик сядет... Нет такого положения, из которого бы не было выхода.

Никита уже давно чуял опасность, но еще не знал, в чем она заключалась. Он попытался сесть, но в груди больно кольнуло, и он вновь опустился на свое ложе, покрывавшееся потом. Раненый не мог пока двигаться, но богатырское здоровье брало свое. Еще две недели — и он сможет ходить, через месяц вновь возьмет оружие, вернется к своему батальону, по слухам драмшемуся в горах Черногория, а пока надо слушаться врача, делать мучительные перевязки и лежать пластом на постели, ожидая полного исцеления.

— По-моему, немцы прорвались к штабу, — сказал лежавший рядом с ним офицер, дела нетерпеливое движение рукой к лицу, словно пытаясь снять зеленый платок с перевязанных глаз. — Не пойму только, откуда они взяли здесь?

Уже начались замки, и утренние морозы сковывали смоченную первыми осесими дождями каменистую землю. Как только закатывалось солнце, в горах становилось холодно.

Никита подвернул под себя полы вытертой шинели и попытался уснуть, но не смог. Он не будет в обиде на югославов, если его оставят. Ведь не тыщты же раненых через горы. Важно спасти руководителей, а солдаты всегда найдутся.

Он поостит в последний раз за себя, попортит у часовых несколько гранат и винтовку, и тогда пусть францы сунутся к нему. Он еще не одного уложит здесь, среди камней, и умрет, сражаясь, а в бою и смерть красна. Воинственные мысли быстрее гнали кровь, заставляли громче стучать сердце. Сила как бы возвращалась к нему.

Ночью он стал думать о дорогах для него людей. Сражаясь, они выросли и нашли свое место в жизни: трусливый начальник юноша Казмир, ставший героем, влюбленные Анеля и Шаповалов, расчленивший, но в сущности, неплохой парень Тодя и трогательная дочь фруктошника, у которой он так и не успел спросить имени. Они прощали хорошую школу борьбы. Вот бы снова увидеть этих славных ребят.

Наступила темная ночь. Во мраке ярко бегла острая скала. На поляне заглохли костры. Со всех сторон слышались выстрелы, а Никите, находившемуся в болезненно приподнятом состоянии, казалось, что в огне трещат сухие ветви. Он забывался, засыпая на какую-то минуту и просыпаясь, обнимаясь холодным потом.

«Что это я волнуюсь?», — спрашивал раненый себя и нелепо прислушивался ко всему происходящему вокруг, стараясь не думать о немцах и сохраняя спокойствие духа.

К знакомым звукам тревожной ночи принашивался новый звук, сначала слабый и далекий, но все приближающийся и становившийся громче. Никита слышал, как на поляну, громко разговаривая, прошли генералы. Самолет, рыча моторами, прошел над его головой. Раздался нервный крик.

— Это безумие! Он непременно разобьется о скалу!

Самолет сделал два тревожных круга, словно всматриваясь в невидимую землю, и вдруг спикировал и, включая фары, пошел на посадку. Раненые приподнялись на своих постелях. Они видели, как самолет коснулся земли, перепрыгнул через небольшой холм, попявываясь на пути, и, дико

В романе Сергея Борзенко «Утоление жажды» говорится о жизни и приключениях солдата Советской Армии Никиты Февралева, который вследствие рокового стечения обстоятельств попадает в плен к немцам, принимает участие в освобождении заключенных в Майданеке. Бежавшие из Майданека заключенные разных национальностей образуют партизанский отряд, который, с боями пройдя Польшу, приходит в Югославию и соединяется с частями армии Тито.

подпрыгивая, побжал по земле. Мелкие камни стучали по его брюху и крыльям.

— Оторвались, — сказал кто-то, и вздох облегчения вырвался у всех.

— Где же маршал? — с беспокойством спросил Никита.

— А разве его нет с нами? — забеспокоились раненые.

Самолет круто набрал высоту, словно выныривая из неба. В ушах колело, позвало на рвоту. Никита подобрел к окну, прильнул к нему разгоряченным лбом и увидел сбоку сухие, холодные разрывы зенитных снарядов, но они вскоре исчезли, и машина пошла ровно по горизонтали. Выбравшись из гор, стало значительно теплее. Спокойствие полета передавалось пассажирам. На душе Никиты было хорошо и чисто. Случайность вырвала его из-под опеки врачей, и он больше не намеревался возвращаться к ним. Он решил просить летчиков при первой возможности переправить его в Советскую Армию.

Визу показалась светлая полоса. «Море», — догадался Никита. Клонился в сон. Уткнувшись лицом в чью-то спину, пахнущую мокрой травой, он задремал.

Никита проснулся, когда самолет, резко наклонив одно крыло, скользил вниз, к темному пятну острова, проступившему на светлой поверхности моря.

Резкое движение машины разбудило спавших пассажиров. Раненые заволновались. Что случилось? Может быть, приблили? Но в двери кабины стоял молодой лейтенант и улыбался счастливой и теплой улыбкой.

— Вот и прилетели благополучно, — сказал он.

— Куда прилетели? — поинтересовался Никита.

— На остров, в нашу эскадрилью.

Самолет сделал плавный круг и, со скрепящим сердцем, побжал по твердой земле аэродрома. К нему спешили темные фигуры людей.

Штурман отвинтил дверь, в нее ворвался теплый и влажный морской воздух. Запахло лимонами и рыбой.

— Товарищ Шорников, привезли маршала? — раздался из темноты властный русский голос.

— Привезли раненых, товарищ генерал, — ответил штурман. — За маршалом надо еще раз лететь.

— Что же вы делаете, нам ведь головы снимают. Рассвет скоро. Не самому же мне лететь.

Раненых быстро вынесли на землю, а самолет в третий раз пошел в воздух.

На небольшом итальянском острове Адриатического моря находилось авиационное соединение Советской Армии. На кремнистом грунте лежали хостатые, некрашенные бомбы, у разобранных машин при свете аккумуляторных фонарей копшились механики, над зданием радиостанции свисал флаг, и хотя было еще темно, Никита не увидел, а почувствовал, что флаг красный. Отсюда советские самолеты бомбили Венгрию и Австрию, подвозили югославам боеприпасы. На этот красивый, полный зелени клочок земли, окруженный теплым морем, были доставлены раненые и члены штаба Тито.

Никита услышал родную русскую речь, увидел летчиков в родной для него форме и девушек-официанток из офицерской столовой. Он встал на ноги и молча, не умея сказать ни слова, обнимал земляков, целовал их и, не скрывая слез, без посторонней помощи доковылял до столовой, где для раненых уже был приготовлен завтрак. Ухаживая, словно за маленькими, раненых накормили, отнесли в дома, построенные возле пляжа, уложили спать на постели, усиленные летчиками. Под раскрасочными окнами шестелели широкоступные пальмы, порхали белые ночные бабочки, волны монотонно набегали на гальку, но Никита не мог уснуть, болезненно прислушиваясь, не легит ли самолет. Его все больше и больше тревожила судьба Тито.

Он видел, как отделилось от темной воды небо: стало светлее. Показался первый пучок солнечных лучей, пробиравшийся сквозь низкий золотистый туман, смывавший очертания бесконечной дали. Дымка исчезла, засверкало гладкое светлосинее море.

На берегу нервно взд-вперед ходил человек в золотых очках, изредка нагибавшись за камешком и швыряя его в воду. Иногда он останавливался и, приложив к глазам руку козырьком, всматривался туда, где небо и море сливались.

«Тоже беспокоится», — подумал Никита.

Вскоре послышался нарастающий шум мотора; взволнованный ожиданием, Никита оживился. В небо показалась точка, все увеличивающаяся в размерах, — прилетел самолет, но не тот, которого с таким нетерпением ожидали на острове. Часа за два прилетело еще несколько машин из других рейсов.

Наконец, когда все потеряли надежду, показался знакомый зеленый «Дуглас». Резко снижаясь, он почти упал на каменистый аэродром. В окно Никита видел, как из самолета неуклюже прыгали люди, разминная отекшие ноги.

— Не он, не он, не он, — отвечал Никита людей, и сердце его больно сжималось.

На землю прыгнула большая собака.

«Тигр», — с облегчением узнал Никита собаку маршала, и вслед на землю опустился знакомая плотная фигура маршала. Тито поздоровался с встречающими его и направляясь к отведенной ему пещере в скале, остроумно приспособленной под бомбоубежище.

— Спать, спать, — сказал маршал, устало шагая, отмахиваясь от окружающих его людей. Неудлившаяся дрема валила его с ног.

За электрификацию сельского хозяйства!

Материалы, опубликованные «Литературной газетой» по вопросам электрификации сельского хозяйства, вызвали живейший отклик наших читателей. В редакцию поступили письма колхозников, инженеров, студентов, руководящих работников министерств и трестов, показывающие заинтересованность широких кругов советской общественности в сельской электрификации.

Сегодня мы публикуем два читательских письма, в которых выдвигаются практические предложения. Нет никаких сомнений, что на ряде больших и малых заводов хранятся десятки тонн различных электроматериалов, в которых сами заводы не нуждаются, но которые очень пригодились бы в сельском хозяйстве. Нам кажется, что заинтересоваться письмом тов. Куприянова и провести должную проверку в целях передачи колхозам лишних материалов обязаны не только работники электропромышленности, но и директора и инженеры тех заводов, на складах которых эти материалы лежат мертвым грузом.

Весьма важный вопрос ставит в своем письме и тов. Будзко. Надо полагать, что Министерство электропромышленности проверит изложенные в нем факты и примет меры к тому, чтобы ценные предложения тов. Юджикого были, наконец, превращены в жизнь.

Значительный резерв

Электрификация сельского хозяйства приобрела в наши дни такой размах и имеет настолько большие перспективы, что не может оставить равнодушным ни одного советского человека. Вот почему я считаю своим долгом сделать следующее предложение.

Генераторы постоянного тока низкого напряжения в 110—220 вольт и малой мощности удобны и выносливы. Приводимые в действие электродвигателями постоянного тока, эти машины освобождены от сложного и громоздкого устройства — дюробки скоростей и управляются простыми реостатами.

Наши старые заводы, в том числе Ленинградский завод имени В. И. Ленина, где я работаю, после перехода на производство машин переменного тока свалили на «кладбище» машины и моторы постоянного тока.

Мне кажется совершенно необходимым как можно скорее передать для нужд сельского хозяйства бездействующие электростанции постоянного тока. Не следует гадать за большими мощностями! Машина, о которой я пишу, способна одновременно тянуть три молотки или осветить 200 колхозных дворов пятидесятиваттной лампочкой в каждом. Бездействующие ныне машины и моторы могут оказаться значительным резервом сельской электрификации.

С. КУПРИЯНОВ,
наглядный физический лабораторный завода имени В. И. Ленина.
ЛЕНИНГРАД.

Как назвать такое отношение к делу?

С большим интересом слежу я за материалами о сельской электрификации, помещаемыми на страницах «Литературной газеты». Вопрос о снабжении колхозов необходимым электрооборудованием поставлен вполне своевременно.

Как известно, сердцем каждой электростанции является электрический генератор. Выпускаемые промышленностью синхронные генераторы имеют машинный возбудитель — дорогую и очень часто выходящую из строя часть. Советский изобретатель тов. Юджик разработал во Всесоюзном электротехническом институте генератор без машинного возбудителя, взамен которого применены твердые селеновые выпрямители. Генератор этот весьма надежен в работе и, кроме того, автоматически поддерживает постоянное напряжение. Несмотря на то, что производство такого генератора несравненно проще, чем производство старых типов, Министерство электропромышленности в течение двух лет не может «освоить» его выпуска. А вот небольшой завод Министерства сельского хозяйства в текущем году наладил производство генераторов системы Юджикова и теперь изготавливает их десятками. Не прямой ли это удар нашим заводам-гигантам, продолжающим до сих пор «осваивать» новые генераторы?

Второй пример. В сельском хозяйстве приходится расходовать много металла на электрические сети. На каждый киловатт установленной мощности нужно затратить до 200 килограммов металлических проводов. Всесоюзным институтом механизации и электрификации сельского хозяйства еще в 1938 году была разработана новая так называемая смешанная система распределения электроэнергии, которая в два раза снижает расход проводов в сельских сетях. Для ее применения нужно специальное оборудование — однофазные трансформаторы и электродвигатели. Прошло почти десять лет с той поры, но сельское хозяйство продолжает расходовать втрое больше проводов, чем следует, потому что Министерство электропромышленности никак не может наладить выпуска этого несложного оборудования.

Минувшим летом в Ленинграде была созвана Всесоюзная конференция по сельской электрификации, но представители министерства не сочли нужным присутствовать на этой конференции, хотя приглашали их очень настойчиво.

Как оценить такое отношение Министерства электропромышленности к нуждам сельской электрификации?

И. БУДЗКО,
наглядный физический лабораторный завода имени В. И. Ленина.
ЛЕНИНГРАД.

ГОТОВЫЕ К УСЛУГАМ...

Далее приехал в Париж по поручению Маршала: решить — должны ли Советские Штаты оказать поддержку Шуману или же помочь де Голлю прийти к власти.
Рис. Бор. ЕФИМОВА.

СОВРЕМЕННЫЙ «СУД ПАРИСА»

Культура американской долларократии

Мы заслушаем показания об американской культуре двух свидетелей. Один — свидетель обвинения, другой — свидетель защиты. Оба — коренные американцы. Один — уроженец Техаса, другой — Чикаго. Оба — деятели американской культуры. Один изучает и преподаёт историю американской литературы, другой творит её. Один — профессор американской литературы, ректор педагогического колледжа Флориды Стюарт, другой известный американский романист Джеймс Фаррелл. Ни тот, ни другой, поскольку нам известно, под судом и следствием не состояли и к ответственности тоталитарной комиссии конгресса США по контролю над «опасными мыслями» (официально известной под именем «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности») не привлекались.

Слово предоставляется писателю Джеймсу Фарреллу:

«В США, — пишет Фаррелл в своей статье «Современное состояние американской культуры», — существуют все необходимые материальные предпосылки для создания большой народной культуры: в США достаточно типографий, бумаги, радиостанций, кинофабрик и зрительных зал. Тем не менее в США не существует настоящей демократической, народной культуры. Культура общества — это его совесть, смысл и оправдание его существования. Но то, что выдвигается за американскую культуру, — это не культура. Культура есть нечто более возвышенное, чем базар, и деятели культуры не похожи на тех, кто зазывает в свою лавочку на рыночной площади».

Почему же американский народ не имеет своей подлинной культуры? Почему вместо идейной художественной литературы он пробавляется стандартным безмыслием чтивого? Почему отупляющие суррогаты заменяют ему произведения подлинного искусства? Почему, спрашивает Фаррелл, нет у нас настоящей демократической культуры? Почему большинство интеллигентных и серьезных людей, интересующихся культурой, так обескуражены и разочарованы, так полны горечи по отношению к состоянию американской культуры?

Потому, отвечает Фаррелл, что в США «культура сделалась в буквальном смысле рентабельной отраслью промышленности, организованной все более по образу крупных торгово-промышленных фирм и по принципу монополии». «При нашем общественном строе всякая массовая продукция требует организации, основанной на сравнительно большом капиталовложении. Но вложенный в дело капитал должен расти, он должен приносить увеличение капитала. Однако культура, почитаемая задачей накопления капитала, не может быть демократической, она несовместима со свободой мысли и творчества, являющейся непременным условием демократической культуры. В США уже привыкли к тому, что чем больше влияние и распространение приобретает тот или иной орган печати, тем большее значение он имеет в «культурной промышленности», тем более он теряет свою свободу и независимость. Самое странное то, что американцы к этому настолько привыкли, считают это настолько само собой разумеющимся, что об этом никто уже не говорит, на это перестали обращать внимание».

В Америке, пишет Фаррелл по поводу хваленной буржуазной свободы мысли, существуют разнообразные виды цензуры.

Помимо официальной политической цензуры, есть внутренняя цензура. Она достигает кульминационного предела, омерзительности в цензурных законах кинематографии... В Америке не существует почти ни одного серьезного писателя, который не сталкивался бы в той или иной мере с этой внутренней цензурой главных редакторов, издателей и др. Характеристично американской свободой творчества Фаррелл резюмирует афоризмом Марка Твена: «Свободой слова обладают до тех пор, пока ею не пользуются». «И ею пользуются тогда, когда от нее необходимо отразить общество», — добавил бы Марк Твен, услышав американские оправдания поджигателей войны.

Что можно добавить к этому честному, исполненному горечи, свидетельству деятеля американской культуры, имеющему достаточно мужества смотреть правде в глаза и с негодованием говорить о том, о чем его коллеги предпочитают молчать, если они не хотят лгать? Только то, что идеологическая жевательная резина, фабрикуемая американскими фирмами взамен культуры, имеет целью не только принести барыши, но и отбить у народа вкус к настоящей культуре, несовместимой с общественным строем, при котором стандарты идеалов и нормы совести определяются котировкой акций на бирже.

Но вот перед нами другой свидетель, профессор Флориды Стюарт, один из тех, кто вырабатывает и распространяет патентованные «американские идеалы», самолюбивый апологет американской псевдокультуры. Вот как рисует Стюарт идейный облик «типичного американца». На первой же странице своей книги «Американский идеализм» Стюарт воспекает духовные отличия американцев, как класса (!), от других народов:

«Пас (американец) радуется географической огромности и не знает равных мужеству нашей страны, и мы презрительно гордимся при мысли, что у нас больше автомобилей и телефонов, чем у всех других народов вместе взятых, мы живем скорее экстенсивно, чем интенсивно, определяем ценность путешествия количеством миль... Типичный американец обладает в большей мере, чем другие люди, чувством свободы и силы. Он верит в свою непобедимость и бессмертие».

Вот он какой — «homo americanus» — воплощение «американского образа мыслей», уродливое порождение империалистической цивилизации. Он отравляет своим империалистическим бахвальством, своим идейным ужесточением и скудоумием. Он выглядит особенно отталкивающим в поборении своего апологета: тугопы и нагловатые вояки безобразны в своем самозовольстве. Свидетель защиты наглядно иллюстрирует то, о чем скорбит свидетель обвинения. Но Стюарт клеветает на американский народ; изображенный им «типичный американец» слишком уже похож на воспитанника Бальбура фон Штраха. Стюарт рисует духовный облик американца, каким его стремятся сделать апостолы долларовой веры, священнослужители храмов Уолл-стрит.

Не остановившись же в своем «богоподобном благодушии» торговцы зерном перед отравлением пшеницы, — с какой же став торговцы «культурой» будут останавливаться перед отравлением своего товара? Такова американская «цивилизация» в вой парит не «закон джунглей», а гораздо более страшный и губительный для человечества — закон биржи.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПРИЗВАТЬ К ПОРЯДКУ!

Все советские люди глубоко возмущены последними антисоветскими выступлениями французских реакционеров, в частности, поличным налетом на лагерь советских репатриантов в Борегае. Всем нам понятно, чем вызваны эти враждебные действия и что кроется за этими фактами нарушения союзнических отношений между странами. Я хочу сказать сейчас о другом: о том, что данные случаи — не первые. Не впервые французские прихвостни американских империалистов позволяют себе подобным образом обращаться с советскими гражданами. Такие случаи были и раньше, и о них следует рассказать.

Летом 1945 года автору этих строк пришлось работать в лагере репатрированных советских граждан, находившемся во французской зоне оккупации. Речь идет о центральном лагере Штеттен-Гобберг, близ Зигмарингена на Дунае, и подведомственных ему лагерях.

Французские военные власти, согласно существующим соглашениям, обязаны были предоставить освобожденным из немецко-фашистского плена советским гражданам помещения для жилья, снабдить их одеждой и обувью, обеспечивать питанием и выплачивать деньги лицам, которые выполняют ту или иную работу в лагере.

Однако французские власти не сделали буквально ничего для организации лагерей репатрированных советских граждан. Репатрированным указывалось только место для сбора. Все бытовые вопросы они должны были решать собственными силами.

Такое отношение к советским гражданам заставляло ответственных за работу в лагере людей метаться во все стороны, изыскивая возможности для создания элементарно необходимых условий жизни. Поиски одежды, обуви, продуктов питания часто приводили к конфликтам между работниками лагеря и французскими властями. Военные власти запрещали приобретать то, что удавалось найти запретным у немецких фабрикантов и помещиков.

Но это еще не все. Французские власти ввели жесткий режим в лагере. Под влиянием борьбы с гражданами местного населения советским гражданам было запрещено выходить из лагеря. Только лица, работающие по снабжению, имели специальные пропуска, которые давали им право передвигаться в пределах указанного в пропуске района. Здесь уместно заметить, что наши граждане строго выполняли инструкции советских органов по репатриации и вели себя, как и подобает советским людям. Тем не менее французские молчаливо устраивали провокационные налеты на лагерь репатрированных советских граждан, подобные налету на лагерь в Борегае.

Такой налет был совершен в июле, в начале августа в Зингене. Французские солдаты оцепили лагерь и приказали советским гражданам собирать свои пожитки. Приказ сопровождался криками и угрозами. Делалось все в спешном порядке. Затем находившиеся в лагере построили в колонну и под сильным конвоем погнали на станцию. Так, под конвоем, словно опасные преступники, двести с лишним советских граждан были переброшены в лагерь Штеттен-Гобберг.

Что же случилось, чем было вызвано это насильственное переселение? Объяснение не сложно. Находящиеся в лагере советские граждане требовали от французских властей точного выполнения инструкции о репатрированных. Военным французским властям эти справедливые требования, видимо, надоело, и они решили попросту отделить от советских граждан, что и не замедлило осуществить. Однако проделали это крайне грубо.

Говоря о произволе, чинимом французскими официальными представителями, следует упомянуть и о тех перед кем они ныне работают. Я имею в виду американцев. Вот один факт. 25 августа 1945 года шло репатрированных советских граждан, направлявшихся из французского лагеря Штеттен-Гобберг на станцию, прибыла в Аустбург. Здесь предстояла длительная остановка. Люди стали выходить из вагонов, чтобы немного размяться после продолжительной езды в тесных вагонах.

Но стоило только первым сойти на землю, как они услышали шум, а затем увидели приближающегося к ним здоровенного американского солдата, одного из тех молчаливых свирепого вида, которым поручают навредить «порядок» физической силой. Он шел вдоль состава, размахивая резиновой дубинкой, и запрещал советским гражданам выходить из вагонов.

На вопрос, чем это вызвано, верила ответ: «Здесь американская земля».

Рабочие нашего завода с одобрением прочитали советские ноты протеста в связи с непрекращающимися враждебными действиями французских правителей по отношению к СССР. Зарвавшиеся реакционеры нужно призвать к порядку.

Ф. СТОЛЯРОВ, инспектор-контролер Полтавского паровозоремонтного завода.

Этот потрясающий фотодокумент показывает всю фашистскую гнусность англо-американских гестаповцев в Греции. Они убивают каждого, кто не хочет быть рабом Уолл-стрит. Но свободолобивый греческий народ меля устроить ни расстрелами, ни террором. Наступит день, когда англо-американских и греческих палачей постигнет участь гитлеровцев, и они не уйдут от народного возмездия.

Под издательским заголовком «Вечерняя песня» американский журнал «Тайм» от 10 ноября 1947 года поместил

Террор в Греции

SONG AT TWILIGHT

Вишійцы в дни войны и в дни мира

Б. ПЕСИС

После поражения Франции в 1940 году из реакционного бодата вынырнули одновременно два капцита в диктаторы: престарелый предатель из казулиров и мало известный черносотенно-католический генерал. Будущий историк напишет, что карьера их сложилась на первых этапах по-разному, и добавит, что обоих постиг одинаково позорный конец...

Генерал, оказавшись за пределами своей страны, оккупированной немцами, вынужден был в дни Сталинграда выдавать себя за выжидателя («Свободной Франции»). Одновременно он тайно препентствовал боевым действиям французских патриотов. Девальсация не ограничивалась военными диверсиями. В Лондоне вымолил дегоедский журнал «Фонтан», на котором официально значилось, что он распространяется силами «британской службы». Специальное «миропродание» этого органа сбывалось над оккупированной Францией с английских самолетов.

Что же проповедал орган Черчилля — де Голля? Людей, которых доводило до борьбы героический пример советского народа, дегоедцы пытались деморализовать изменческой пропагандой: «западные союзники», — указывала «Фонтан», — вместе с Америкой должны вести «свою войну», в противовес Великой Советскому Союзу. Так плезаг заговор французской реакции в интересах Гитлера под крылышком англо-американских империалистов. Петан действовал во Франции, поставленный в диктаторы непосредственно Гитлером. Это не мешало ему сигнализировать из Виши о своей готовности служить англо-американским хозяевам.

Вишійцы и дегоедцы всегда обещали их трусливая ненависть к французскому народу с его традициями свободы, патриотизма и прочной дружбы с советской страной.

Конечно, вишійские послепенки, наместники приню у де Голля, не играют сейчас какой-либо самостоятельной роли, если только можно применить это слово к антинародному заговору, руководимому и оплаченному извне.

Но вишійцы, прошедшие палаческую школу в гестапо, представляют немалую опасность для Шумана, для де Голля, для главного американского жандарма во Франции.

Андрэ Шамсон, написавший книгу о вишійцах, принадлежит к тем писателям, которые сумели в годы «жесткого духа войны» преодолеть кризис и распад, смертельно поразившие буржуазную литературу, и занять свое место в антифашистском движении интеллигенции. Талантливый автор повестей о французских крестьянах-горцах и антифашистского романа «Год победленных», Шамсон после поражения Франции принимал участие в движении Сопротивления.

Все, что было живого и честного во французской интеллигенции, ее лучшее люди оказались в те годы в лагере народной войны, напав в борьбе народа, в близости с ним новые источники творческой силы, боевой мудрости, идейной веры. Ученые с мировым именем — такие, как Фредерик Жолио-Кюри, известные поэты — такие, как Поль Элюар, с гордостью носят звание коммунистов. Как никогда расцвел талант писателя-коммуниста Луи Арагона; поэзия Элюара согрелась чувством героической солидарности; прекрасные стихи созданы в тюрьме Леон Муссинаг; голос Жан-Пьера Блюка, находившего в те годы приню в Советском Союзе, доходил до многих тысяч французских патриотов. Перловые мастера слова, связанные с народом, ученые, исследователи сохранили и умножили славу французской демократической культуры.

Андрэ Шамсон обязан своей книгой этим героическим дням, когда он близко увидел в их борьбе.

«Две Франции»... «Мы и они». «Мы» — это французская масса, простые люди, рабочие. «Они» — буржуа, аристократы, спекулянты, лажеученые лакеи реакции. «Они»

Андрэ Шамсон, «Кладь чудес». Роман. Государственное издательство иностранной литературы, 1947.

заключил союз с одолевающим нас бедняком... Они сотрудничали с этим распадом и этим позором... Буржуа или прислужники буржуа, они радовались тому, что было нацим горем».

Так в романе Шамсона раскрывается — наряду со «спешивкой» вишійского предательства — социальная природа вишійца как очередного чудовищного заговора французских господствующих классов против народа.

Искупительных фашистских разбойников саждают на скамью подсудимых ритом с безмысленными палачами. Так в книге Шамсона реакция всех знаний и толков предстает, скомканная одной целью преступлений: городской жиждер, превратившийся из охотника за собаками в охотника за людьми, не отделим от миллионера так же, как миллионер не отделим от владыки мясной лавки, вместе с которыми он наживается на народном бедствии, и от ученого профессора, который поставляет вишійцам демогагические «теории» предательства и террора. Миллионер проповедует отказ от материальных благ, «крах материализма»; буржуазный профессор воспекает «торжество качества», под которым понимается право реакционной банды на угнетение народа. Шамсон показывает реакционную демогагическую аждифософов и псевдоморалистов в ее связи с самыми извращенными преступлениями собственнического строя. Гавы о собственности — остроумная сатира на буржуазный индивидуализм; самые утонченные построения на тему о «причине личности» осмеиваются здесь, как самоутверждение отупевшего лавочника, мечтающего о «сильной руке».

Актуально звучит глава «Вожак школы вожаков». Полнейшие «школы вожаков», возникшие при Петане, должны были вымуштровать банду фашистских главарей как спору той самой «личной диктатуры», о которой мечтают де Голь и демагоги, пробующие заслонить его собой. Воспитание буржуазных индивидуалистов новейшей формации, так называемых людей «сильной руки», осуществляется псевдофилософами и профессиональными полицейскими.

В портретах вожаков французской реакции А. Шамсон показывает одновременно их разбойничью свирепость и духовное убожество, беснелое. Тявкаящий бес куда реальнее связан с окружающим миром, чем эти вышійцы человека, в бешенстве утверждающие свое бытие...»

Всей этой злое противостоит масса, простые люди, для которых неприятие рабства было не только вопросом существования, но и прежде всего вопросом сохранения своего человеческого достоинства. Если тирания владеет страхом, то свободные люди движимы ненавистью к врагу и надеждой. В книге рассказывается и о том, где рождалась надежда французам во их освобождение. «Она бушевала на Востоке, надобно легендарной буре, после которой переменяется нога. Ничто не могло остановить ее продвижения — ни речи по радио, ни обыски под утро, ни каторга, ни гильотина».

Книга написана от первого лица. Рассказчик — писатель, бывший из Парижа в один из городов так называемой неоккупированной зоны. Здесь он на личном опыте узнает, что принесла французскому народу вишійская банда. Исходный пункт наблюдения рассказчика — мрачный, как колодец, двор. В начале книги в глубине этого двора появляются один за другим персонажи, представляющие вишійский режим. Затем под наблюдением расширяется и постепенно охватывает весь город. Интересны некоторые пародические образы: две старые женщины-ремесленницы неостудно наблюдают за всеми преступлениями французских патиарховцев, чтобы свидетельствовать против них, когда наступит день возмездия. В финале книги в глубине того же двора возникает фигура рабочего, который приходит сюда прятать оружие. Появление рабочего в темную зямлюю ночь дано, как появление Человека. Он го-

фотографию расстрела М-греческих патриотов, каменных солдатом, одетыми в форму английских «томия».

Журнал «Тайм» с циничной откровенностью сочувствует палачам греческого народа, казнящим истинных патриотов. Крупным планом засята 25-летняя греческая патриотка Эфтиния Патса, прикованная железными наручниками к директору школы, коммунисту Ваздасу.

На снимке справа заснят офицер в английской военной форме, добивающий из пистолета патриотов, в которых еще теплилась жизнь.

Из иностранной почты

«ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН»

Время от времени американская печать выхватывает некоторые факты, неожиданно для нее проливающие яркий свет на самые темные стороны жизни США. Так, например, журнал «Тайм» в одном из последних номеров приводит весьма показательные данные о судьбе индейского племени навахо.

Американские колонизаторы, продвигаясь на запад в 60-х годах прошлого столетия, нещадно истребляли коренных жителей Америки, особенно жестоко расправляясь с наиболее свободолобивым индейским племенем навахо.

Журнал «Тайм» цинично заявляет, что в 1864 году американцы имели возможность полностью уничтожить все племя, но руководствуясь «гуманными» соображениями, не сделали этого. Остатки племени навахо под конвоем американских кавалеристов, «как скот, погнали с территории Арizonы в крепость Сэмнер в штате Нью-Мексико, где их продержали за колючей проволокой в течение четырех лет.

Лишь после того, как вожди племени согласились на «мирные условия», предьявленные им американскими колонизаторами, индейцы были поселены на пустынных землях Арizonы и Нью-Мексико и получили право передвигаться только в строго определенных территориальных пределах.

В настоящее время из всего довольно многочисленного племени осталось 56.000 индейцев, в среде которых царит примитивный быт кочевников. Индейцы живут в маленьких хижинах, без окон и даже без дымоходных труб. Заболеваемость туберкулезом здесь в 14 раз превышает среднюю цифру по США.

При проведении соответствующих мелиоративных и ирригационных работ можно было бы на пустынной территории, заселенной племенем навахо, заниматься сельским хозяйством, что дало бы работу по крайней мере 35.000 индейцев. Однако конгресс США отказался ассигновать хотя бы один доллар на эти работы, и в результате до 30.000 индейцев находится под непосредственной угрозой голодной смерти. Журнал «Тайм» констатирует: «К январю 1948 г., когда на территории, защищаемой навахо, вылетает снег, многие дети и старики умрут от голода и холода».

Наряду с крайней нуждой индейцы испытывают все «прелести» полного политического бесправия и полностью лишены права голоса.

Времена Фенимора Купера и Майн-Рида давно прошли. Индейской романтики не существует ни в литературе, ни в жизни. Коренных жителей Америки — индейцев — «просвещенные гангстеры» охотно показывают в балаганах Нью-Йорка и не менее охотно предоставляют им широкую возможность умирать с голоду на территории колониальных «заповедников» США.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Я запомнил тебя... Только в этом встревоженном мире Адреса разошлись. Что случилось с тобой потом? Я сижу за столом в нашей тесной московской квартире — Ты в Америке где-то... Прислушайся, Том, Мы встречались когда-то — весной в сорок пятом. Помнишь, утро победы, закончился бой, На картоне английской гвардейки-ребятки Я слова подбираю, а они говорили с тобой.

Ты стоишь: светло палевой формы оправа, Лиловые щеки, У тебя за плечами — Нормандия легкая слава, А у нас за спиной — уже грохотал Сталинград! Мы по кругу пустили пнящиеся горлышко флаги — Негр, москвич, украинец и пленный француз из Кале. Дрезден. Утро победы. Полохуется флаги. Мы мечтали о счастье на нашей тревожной земле.

Я вернулся с работы... За окошком с гулевым и смехом Проплывает Москва — от нее никуда не уйдешь! У меня на душе не остало волнение цеха — Еще бродит в руках созданный тревожная дрожь. Завтра запуст турбины. Еше раз проверь бумаги, Промотреть чертежи... И потом, как тогда: — Здравствуй, утро победы! Полохуется флаги, Озаренные солнцем, гулят провода. Вот они, посмотри, это наши победы — Это счастье работы... Я руки к нему протянул... Синеглазый сынчик, — что парню, военные беды — Смотрит карту земную... А нам...

Нам знаком этот гул Отгремевших боев! — Где ты, черныи дружище? Дрезден. Утро победы. Качается флага, звеня... Где ты счастье свое непугево ищешь? Я хочу, чтоб сегодня ты вновь посмотрел на меня! Только время не то. Да и люди не те.

Только это Неужели в традици Нового Света: Скинув форму солдата, Подавшийся в теле, (Даже страшно подумать о том) Ночью

франчим героям подносишь коктейль, Ты, спаситель Америки — Том?!

Факты без комментариев

СОЦИАЛ-РАСИСТЫ

На конференции лейбористских партий Британской империи делегат Австралии Патрик Консли заявил, что Австралия никогда не допустит на свою территорию «людей цветной расы». Призвал, что в Австралии сейчас проживают уже 6.000 чернокожих аборигенов, он с удовлетворением подчеркнул, что все они «вымирают» и их держат в специальных резервационных пунктах».

ИНДУСТРИЯ НАДУВАТЕЛСТВА

Американцы ежегодно тратят около миллиарда долларов на всякого рода медицинские препараты. Даже по самой скромной оценке государственных органов здравоохранения США свыше половины этой суммы тратится на усиленно рекламируе-

мые и совершенно бесполезные «патентные средства», то-есть, иначе говоря, идут на обогащение всякого рода жульнических фирм.

В то же время в США насчитывается несколько миллионов человек, которые страдают дефектами зрения, но не имеют возможности приобрести очки, поскольку они очень дороги.

РАВНОПРАВИЕ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Женщины в США составляют половину всего населения, причём 46 млн. из них имеют формальное право выбирать и быть избранными в конгресс и другие учреждения США. Однако в настоящем составе американского конгресса только 7 (семь) женщины.

В 16 штатах из 48 — женщины не допускаются в состав присяжных. Почти во всех штатах, кроме семи, местожительство женщины принято считать местожительством мужа; нарушение этого правила влечет для жены потерю прав, в том числе и права голоса.

Женщины не имеют возможности выбирать себе работу по вкусу. Так, в штате Массачусетт, например, замужней женщине не разрешается быть учительницей. Многие технические учебные заведения не выдают дипломов студенткам. Директор технологического института имени Карнеги в Питсбурге заявил, что девушки-студентки «вообще не имеют ни склонности, ни способности для инженерно-технической работы».

Генрих Гейне

К 150-летию со дня рождения

Гейне писал однажды: «Право, не знаю, заслуживаю ли я того, чтобы герой мой украсил когда-нибудь лавровым венком... Но меч вы должны возложить на мою могилу, ибо я был храбрым солдатом в войне за освобождение человечества!»

Первые произведения Гейне относятся к 20-м годам прошлого века. Это любовная лирика — «Юношеские страдания», как озаглавил ее сам поэт. Но замкнутый мир личных переживаний ненадолго приковал к себе Гейне. Каждый новый сборник стихов, тех самых изумительных стихов, которые составили впоследствии всемирно известную «Книгу песен», — свидетельство того, как расширяется кругозор поэта, как все смелее и громче звучит его голос обличителя современного общественного порядка.

Падение наполеоновской империи, разгул националистической реакции в Германии, революции 1830 и 1848 годов — на все эти исторические события откликается лира поэта.

Гейне путешествует по всей Германии, Италии, Англии, живет большую часть своей жизни во Франции. В его «Путевых картинках», в публицистике, его политической поэзии 30—40-х годов, в «Романах» — последнем лирическом сборнике, который был создан Гейне, уже смертельно больным, прикованным к своей «материнской могиле», — везде мы слышим голос поэта, жившего событиями своего времени, храброго солдата освободительной борьбы человечества.

Меч лежит на могиле поэта. В ходе времени он не заржавел. И свежо и дерзко звучит в наши дни неумирающий голос писателя-бойца, всю свою жизнь обличавшего уродливые общественные отношения окружающей его действительности.

Лучше, наиболее зрелые политически произведения Гейне создавались под непосредственным влиянием Маркса.

Гейне сумел разглядеть в прусской монархии — «тупой смеси современной лжи и средневекового бреда», в этой нации — на средневекое, зарождающиеся черты грядущего фашистского варварства.

«Здесь», — писал он о немцах националистов, — при свете факелов возгорелись и делались глухими, достойные самого тупого средневековья, господствовал ограниченный теотизм, много и выжило товарищеской любви и веры, но любовь которого была не что иное, как ненависть к чужеземцам, а вера состояла только в отсутствии разума, и который в своем невежестве не сумел придумать ничего лучше сожжения книг. С таким мелочным буквоедством... рассуждали о признаках немецкой национальности! Где начинается германец? Где он оканчивается?... Каждый, происходящий хотя бы в седьмом колене от француза, еврея и славянина, приговаривался к изгнанию, мог готовиться к смертной казни...»

Поэзия Гейне не утратила своей злободневности и политической остроты.

Фашлеты видели в нем своего смертельного врага. Они сжигали и уничтожали его книги, ибо сатира великого поэта была по самым основам гитлеровского режима.

Творчество Гейне дышит фанатом борьбы против реакции, национализма, военщины, фашистерства — против пруссачества во всех его проявлениях. Гейне был непримиримым врагом прусской казарменно-полицейской монархии. Стою же ненависти передают яростные строки из поэмы «Германия», обращенные к двуглавному орду — государственному знаку пруссаческого монархизма:

Постой же! Когда-нибудь, гнусная тварь, Ты попадешься мне в руки! Я вырву хищные когти твои! И вышину перья по штыку.

Как трагедия, Гейне воспринимает тот факт, что революция, на которую он возлагал такие надежды, не решила центрального для Германии вопроса — восстановления национального единства.

Но единство Германии, которое хотел бы видеть Гейне, ничего общего не имело с националистическими планами об объединении под единой реакционной Пруссией.

В замечательной поэме «Германия» Гейне сатирически разоблачает буржуазный лозунг о том, что центром объединения страны может быть «таможенный прусский союз».

Генрих Гейне мечтал о единой демократической Германии. И именно потому, что Гейне был подлинным патриотом своей родины, обрушивая на «...с перской слепой стихи сатур, колочуха, как конь», на провинциальную отсталость, реакционность, тупую тевтопоманию, фашистерство современной ему Германии.

Проницательный взор художника проникнул в сущность английского парламентаризма и господства французской финансовой олигархии, увидел в Социальных Штатах Америки — «творцу свободы».

«Мне показалося», — писал Гейне, — что весь Лондон — мост через Березину, где каждый в безумном страхе, чтобы только хоть немножко продлить свою жизнь, пытается пробиться, без легкой наседки топчет бедного пешехода, где всякий, упавший наземь, погиб навсегда, где лучший товарищ равнодушно спешит перешагнуть через трупа товарища, и тысячи смертельно уставших и окровавленных людей, тиснувшись цепью за лоски моста, срываются в холодную, ледяную бездну смерти».

В Лондоне Гейне заглянул в опустошенную душу буржуазного общества, озверелую, лишённую человеческих чувств, подчиненную законам капиталистической конкуренции.

В Англии — стране классического развития капитализма — Гейне увидел подлинную сущность буржуазной морали, буржуазного парламентаризма, буржуазного политического интригантства. Поэт не сомневается в том, что в парламентарской борьбе партий «о принципах нет повсюду и речи» и что для народа буржуазное правительство по сути мало чем отличается от феодального абсолютизма.

«Народное представительство ограничено до последней возможности... Ведь поистине, ни один тиран на континенте не выкал бы, руководясь призраком, столько палочек, сколько приходится платить английскому народу на основании закона, и ни один тиран не был никогда так жесток, как английские уголовные законы, ежедневно убивающие за дела, не превышающие стоимости шиллинга, с холодностью мертвой буквы».

Гейне проникает в самую суть типично британского внешнеполитического курса, заключающегося в том, что англичанам «платит другим народам за то, чтобы они колотили друг друга ради его удовольствия...»

В стихотворениях «Золотой телец», «Юдоль плача», «Помаре» и ряде других поэт клеймит культ денег, продажность, разбазаривающий ложь буржуазной благотворительности.

Он обличает не только жестокость цивилизованных разбойников-работорговцев, но и ханжество и фальшь буржуазного гуманизма. Работоторговцев, заставляющих пласть под кнутом законных рабов, чтобы они не умирали «от меланхолии», работоторговцев, мечтающих:

Спаси их жизнь, Иисус Христос, За мир отдавший тело! Ведь если двести штук не дойдет, Погибло все мое дело,

— это символ буржуазной нравственности, движимой жадной жаждой.

Гейне видел на каждом шагу, как далеко оказались буржуазные отношения от героических иллюзий великих умов XVIII века — просветителей, подготовивших французскую буржуазную революцию.

«Умалением всякого величия и радикальным истреблением героизма мы особенно обязаны буржуазии», — писал он, пожимая торжашею, антигероическую природу буржуазии. И врался вон из ее круга:

Не дай мне задохнуться здесь, Среди этих лавочничьих нор.

Именно потому, что Гейне постиг душу буржуазного общества, так остра и беспощадна его критика ограниченности, непоследовательности и трусости буржуазного демократизма. В ряде сатирических стихов и публицистических высказываний 30—40-х годов Гейне обрушивается на «распалачивающий бесподобный нафос», на «беспалачивающий пар энтузиазма», на декларацию, которой буржуазные демократы подменяют подлинную борьбу.

Гейне прекрасно понимал, что буржуазные революции осуществлялись руками народа и не приносили ему свободы. Но пера в победу народа не подкидала поэзия. «...Не за себя с незапамятных времен народ истекал кровью и страдал, не за себя, а за других. В июле 1830 года он добился победы для буржуазии... Народ ничего не добился для себя своей победой, кроме сожаления и еще большей нужды. Но будьте уверены: когда опять прозвучит набатный колокол, и народ снова возьмется за оружие, то на этот раз он будет бороться за себя самого и потребует заслуженного вознаграждения».

Гейне любил в России. Его переводили лучшие русские писатели — от Лермонтова до Блока.

Д. Писарев говорил, что предельно поэзия Генриха Гейне «закладывается в неопределенно обаянии той сильной, богатой, нежной, страстной, злойной, кинучей и пылающей личности, которая смотрит на вас во все глаза из-за каждой строки...»

Но в то же время Писарев справедливо отмечал:

«Чем неотразимее действует поэзия Гейне на умы читателей, тем тщательнее эти читатели должны оберегать себя от ущемленного рабодательства перед Гейне, потому что из этого рабодательства может развиться вредное обожание тех недостатков и пятен, которые наложены на поэзию Гейне обстоятельствами».

Великий поэт имел право называть себя храбрым солдатом освободительной борьбы человечества.

Современный советский читатель знает и любит Гейне, но он ясно представляет себе слабые стороны его творчества, его мировоззрения.

Гейне не был пролетарским революционером. Он порою шел на компромисс с правыми классами, как свидетельствует хотя бы тот факт, что он принимал субсидии от правительства Гизо.

Мировоззрение Гейне не было до конца последовательным. Поэт, высмеивавший меланхолический страх перед пролетарской революцией, был в сам не свободен от пошлых, обывательских сомнений: не принесет ли победа пролетариата гибель свободной индивидуальности, красоте, искусству, его стихам, «которые сойдут в могилу вместе со всем старым романтизмом».

Гейне не смог постичь сущности марксизма. Он все время колебался между признанием исторической роли пролетариата и страхом перед пролетарской революцией.

Указывая на политические шатания Гейне, Маркс и Энгельс давали все же высокую оценку произведению Гейне, действенной силе его творчества.

В статье «Быстрое развитие коммунизма в Германии», перечисляя немцев-социалистов и коммунистов, Энгельс пишет: «Кроме того, Генрих Гейне, наиболее выдающийся из всех пробывавших в живых немецких поэтов, присоединился к нашим рядам и встал под политическую эгиду, заключающую в себе некоторые стихотворения, проповедующие социализм. Он является автором знаменитой «Лесу спелых ткачей», которую я вам даю в переводе...» Энгельс считает эту поэзию в немецком оригинале «одной из самых спелых поэм», какие он знал.

Основное оружие, которым сражался Гейне, был смех, ирония, сатира.

Гейне не строил иллюзий относительно ближайшего будущего своей страны и поэтому, как справедливо заметил А. В. Луначарский, это был смех, обреченный очень широкой траурной каймой. По Гейне не складывал оружие. Он никогда не сомневался в огромной действительной силе искусства. «Чувствительно-кованые песенки» — так охарактеризовал Гейне один из циклов своих стихов. Действительно, в творчестве Гейне неразрывно слились тончайший лиризм, мягкий юмор и злая сатира. Проникновенный лирик, автор «Книги песен», одной из жемчужин мировой поэзии, Гейне всю жизнь ожесточенно бился против господствовавшего в немецкой литературе реакционного романтизма с его ипротвостью искусства для искусства.

Гейне разоблачал подлинное лицо — так называемой романтической школы, показывая, что культ «голубого цветка» — этого символа избранности художника и чуждого жизни искусства — служит лишь средством прикрыть глубоко реакционную прелесть средневековья, национализма, поповщины...

Гейне был представителем принципиально иного романтизма, насыщенного передовым общественным содержанием, проповедующего вмешательство художника в жизнь.

Так я стоял, в руках ружье сжимая, И если слышал: наглый враг идет, — Я хорошо стрелял, и пуля злет, — Винавала в его тугий живот,

— писал Гейне в одном из своих последних стихотворений.

Великий поэт имел право называть себя храбрым солдатом освободительной борьбы человечества.

Советские люди чтили память неутомимого исследователя. Ода из уст Владивостока переименована в улицу Арсеньева, его имя присвоено Приморскому краеведческому музею. Но лучшее свидетельство популярности замечательного путешественника и писателя — несомненный интерес к его талантливым произведениям проявляемые советскими читателями, особенно молодежью.

В. ВАГИН

ДАДИМ СТРАНЕ БОЛЬШЕ БУМАГИ

ОБЯЗАТЕЛЕН ЛИ ДЛЯ ПЕРМСКОЙ ДОРОГИ ПРИКАЗ МИНИСТРА ТОВ. КОВАЛЕВА?

Министр путей сообщения СССР тов. И. В. Ковалев телеграммой от 26 ноября приказал в первой и во второй декадах декабря обеспечить подачу вагонов для отгрузки текущей выработки бумаги и целлюлозы, чтобы полностью освободить предприятия от запасов, образовавшихся до вине транспорта.

Министр обратил внимание начальников дорог на исключительную политическую важность этого мероприятия, указав, что работа бумажной промышленности во многом зависит от четкости выполнения железнодорожниками их обязанностей. Министерство путей сообщения обязало начальников дорог совместно с руководителями предприятий составить графики отгрузки с учетом необходимости вывоза с фабрик к 20 декабря всех сверхнормативных остатков готовых изделий.

Между тем Пермская железная дорога систематически не выполняет государственных планов перевозок. На Камском комбинате скопилось свыше 400 вагонов бумаги и целлюлозы. Значительная часть продукции хранится в непригодных складах, производственных помещениях; целлюлоза укладывается под открытым небом.

Камскому комбинату для отгрузки всех образовавшихся запасов и текущей выработки требуется ежедневно выдвигать под погрузку 50 вагонов. По вызову управления Пермской дороги комбинат командировал своего представителя для согласования графика отгрузки на первые две декады декабря. Когда наш представитель прибыл в управление, железнодорожники отказались составлять и подписывать график подачи вагонов, предупредив, что в течение 5 дней вообще порожки подвозятся не будут вследствие отсутствия ж/д вагонов.

Подобное объяснение является, конечно, несостоятельным и нагло игнорирует отношение Пермской железной дороги к бумажной промышленности, которое и привело к образованию больших залежей готовой продукции.

В результате скопления готовой бумаги и целлюлозы комбинат может оказаться вынужденным сократить производство. Необходимо безотлагательно помочь крупнейшему предприятию бумажной промышленности.

Начальник Главвостбумпрома ВЕЯНОВ, Директор Камского бумажного комбината ТУНИМАНОВ.

КРАСНОКАМСК. (По телеграфу).

ПИСАТЕЛИ НА БАХАНИНСКОМ НОМБЕНАТЕ

ПРАВДИНСК, 12 декабря. (По телеграфу). На Баханинском бумажном комбинате прибыла бригада Союза советских писателей. В первый же день прислали члены бригады побывали в цехах комбината, беседовали с рабочими и инженерами.

Горьковский обкомисполком, обсуждая вопрос о поставках балансов и дров Баханинскому бумажному комбинату, установил, что факты, опубликованные 7 декабря с. г. в «Литературной газете» № 61 в фототипе «Крыная не выветсе», полностью лгавтерверднсь.

Исполком областного Совета депутатов трудящихся вынес решение, обязывающее поставщика обеспечить в декабре бесперебойную доставку комбинату лесоматериалов в том, чтобы компенсировать недоанную в октябре и ноябре древесину.

Начальник Горьковской железной дороги Т. Выкову предложено строго выполнять график подачи порожка.

Бригада Союза советских писателей: А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, А. ЛУКОННИН, С. СМЕРНОВ, А. КРОНГАУЗ, М. АМШИНСКИЙ.

БРИГАДЫ ВЫЕХАЛИ НА МЕСТА

На предприятиях бумажной промышленности начинают работать выделенные секретариатом Союза советских писателей бригады писателей и журналистов.

Кроме руководимой А. Безыменским бригады на Бахале, направлена на комбинат им. Ворошилова (Архангельская обл.) И. Молчанов, А. Яшин, В. Жилкин, К. Кошечкин, В. Ленинград на фабриках ком. Горького и им. Володарского начинают работать бригады в составе Н. Тихонова, Н. Вирты, М. Слюсского, С. Сорокина, П. Далецкого, А. Раскина, С. Спасского, И. Крауца, Л. Борисова, Б. Лихарева, С. Марьяна, И. Колтунова, Б. Реста, А. Дунаевского, И. Выхвала из комбината им. Куйбышева в Вологодскую область бригада в составе Л. Ошанина, Я. Савина, Б. Ласкина, А. Натольского. Этой бригадой будет руководить Е. Долматовский.

В плену вредных традиций

Юрий Смолич, пожалуй, наиболее активный из украинских прозаиков. Пока критика называет и ренегатирует его, определенное прозаическое, он успевает выступить с новым романом или повестью. Разбор прежней книги уже кажется устаревшим, ненужным. Дело резко подвигается дальше газетных рецензий. Поэтому и «пресса» на творчество Ю. Смолича, в сравнении с его многоликой продукцией, количественно незначительна.

Мы говорим о творческой продуктивности Ю. Смолича без иронии и упрека. Среди созданных им, особенно в тридцатые годы, есть серьезные, нужные книги. Писатель хорошо знает широкие круги читателей, ценит его сюжетное мастерство, его стремление не оставить их равнодушными.

Но труда писателя ценится не за то, что механически растет полочка написанных им книг, что книги эти, как одинаковые булочки, называются одна к другой. Мы хотим видеть рост писателя, идейный и художественный.

Последней — по времени написания — роман Ю. Смолича «Они не прошли» критика встретила словами резкого и справедливого осуждения. Теперь Ю. Смолич написал и опубликовал в 6-м и 7-м номерах украинского журнала «Вітчизна» новый роман «Мы вместе были в бою». В какой же мере этот роман исправляет прежние ошибки писателя? И исправляет ли он их?

«Мы вместе были в бою» — это своеобразная летопись жизни современной интеллигенции. Основное действие романа происходит после войны; его герои, инженер Станислав и девушка Мария, — люди, вступающие в новую жизнь страны. Станислав назначен директором института, в котором он учился, до начала войны, а Мария, невеста Станислава, уезжает в Среднюю Азию, чтобы поступить в геологический институт. Но в необыкновенной, только в романе достижимой быстротой она становится душой и одним из руководителей крупной геологоразведочной партии. Автор, в который раз повторяя замусоленный им самим мотив разлуки и невозможности встречи любящих людей, искусственно разделяет Станислава и Марию, читатель, до поры до времени, пререгали их встречу. Но, разумеется, все кончается счастливо. Всем же должен притти конец.

Современность в романе дается в сплетении с эпизодами войны и партизанского подполья. Вот так воевали мои герои — как бы говорит своему читателю Ю. Смолич. Он чувствует, что ничего не удовлетворит их скудно изображенное сегодня, а потому показывает и детальное, боевое вчера. Это должно придать цельность замыслу: кончилась война, но борьба двух миров, двух систем продолжается и сегодня, как и вчера; нужно быть бойцом, думать не об отдышке, а о великих целях, к которым идет весь советский народ. Вставные фронтовые эпизоды играют и другую роль в романе: с их помощью автор стремится показать особую сюжетную остроту всей вещи; чередуя эпизоды, относящиеся к сегодня и вчера, он обрывает их на самом, так сказать, возмущающем месте. «Ах — должен воскликнуть неискущенный читатель, — что же случится дальше?»

Но читатель не воскликнет этого и не станет особенно волноваться. В конце главы мы оканчиваем Марию в Карпатах в безысходном, трагическом положении. Однако он помнит, что тогда еще шла война, а теперь мир, и ему достоверно известно, что Мария выжила, уцелела и благополучно отбыла в Алма-Ату.

«Детективная форма» повисает в романе, как пиджак с чужого плеча, как мишурный, нелепый костюм, взятый напрокат в театральной костюмерной.

Чтяя роман «Мы вместе были в бою», хочется сказать автору: — Не хватало нас за шиворот, не слушайте неправдоподобным стечением обстоятельств, не удивляйте кажущейся сложностью и основательностью детективных «завитков». Остановитесь и дайте взглянуть на ваших героев, на их подлинный внутренний мир. Не превращайте наших современников в бездушные аксессуарные приключенческого жанра, не путайте живой жизни с вашими вымыслами!

Незнание жизни Ю. Смолич инстинктивно стремится возместить не только сюжетной остротой, но и натуралистическими подробностями описаний и пейзажей и, главным образом, на страницах романа офицанта вольнолюбивого бюджета, и автор интересуется в ней все — от «малюсенького мажоранта» «сожженных перигарлетов» и так во всем, большим и малом, подробностями, подробностями, подробностями, в которых талантливые штрихи и наблюдения смешаны с несущественными, засоряющими роман частностями.

Но если от этого можно избавиться с помощью редакторского карандаша, то ложная философичность и мнимая интеллектуальность вошли в самую плоть произведения.

Юрий Смолич, пожалуй, наиболее активный из украинских прозаиков. Пока критика называет и ренегатирует его, определенное прозаическое, он успевает выступить с новым романом или повестью. Разбор прежней книги уже кажется устаревшим, ненужным. Дело резко подвигается дальше газетных рецензий. Поэтому и «пресса» на творчество Ю. Смолича, в сравнении с его многоликой продукцией, количественно незначительна.

Мы говорим о творческой продуктивности Ю. Смолича без иронии и упрека. Среди созданных им, особенно в тридцатые годы, есть серьезные, нужные книги. Писатель хорошо знает широкие круги читателей, ценит его сюжетное мастерство, его стремление не оставить их равнодушными.

Но труда писателя ценится не за то, что механически растет полочка написанных им книг, что книги эти, как одинаковые булочки, называются одна к другой. Мы хотим видеть рост писателя, идейный и художественный.

Последней — по времени написания — роман Ю. Смолича «Они не прошли» критика встретила словами резкого и справедливого осуждения. Теперь Ю. Смолич написал и опубликовал в 6-м и 7-м номерах украинского журнала «Вітчизна» новый роман «Мы вместе были в бою». В какой же мере этот роман исправляет прежние ошибки писателя? И исправляет ли он их?

«Мы вместе были в бою» — это своеобразная летопись жизни современной интеллигенции. Основное действие романа происходит после войны; его герои, инженер Станислав и девушка Мария, — люди, вступающие в новую жизнь страны. Станислав назначен директором института, в котором он учился, до начала войны, а Мария, невеста Станислава, уезжает в Среднюю Азию, чтобы поступить в геологический институт. Но в необыкновенной, только в романе достижимой быстротой она становится душой и одним из руководителей крупной геологоразведочной партии. Автор, в который раз повторяя замусоленный им самим мотив разлуки и невозможности встречи любящих людей, искусственно разделяет Станислава и Марию, читатель, до поры до времени, пререгали их встречу. Но, разумеется, все кончается счастливо. Всем же должен притти конец.

Современность в романе дается в сплетении с эпизодами войны и партизанского подполья. Вот так воевали мои герои — как бы говорит своему читателю Ю. Смолич. Он чувствует, что ничего не удовлетворит их скудно изображенное сегодня, а потому показывает и детальное, боевое вчера. Это должно придать цельность замыслу: кончилась война, но борьба двух миров, двух систем продолжается и сегодня, как и вчера; нужно быть бойцом, думать не об отдышке, а о великих целях, к которым идет весь советский народ. Вставные фронтовые эпизоды играют и другую роль в романе: с их помощью автор стремится показать особую сюжетную остроту всей вещи; чередуя эпизоды, относящиеся к сегодня и вчера, он обрывает их на самом, так сказать, возмущающем месте. «Ах — должен воскликнуть неискущенный читатель, — что же случится дальше?»

Но читатель не воскликнет этого и не станет особенно волноваться. В конце главы мы оканчиваем Марию в Карпатах в безысходном, трагическом положении. Однако он помнит, что тогда еще шла война, а теперь мир, и ему достоверно известно, что Мария выжила, уцелела и благополучно отбыла в Алма-Ату.

«Детективная форма» повисает в романе, как пиджак с чужого плеча, как мишурный, нелепый костюм, взятый напрокат в театральной костюмерной.

Чтяя роман «Мы вместе были в бою», хочется сказать автору: — Не хватало нас за шиворот, не слушайте неправдоподобным стечением обстоятельств, не удивляйте кажущейся сложностью и основательностью детективных «завитков». Остановитесь и дайте взглянуть на ваших героев, на их подлинный внутренний мир. Не превращайте наших современников в бездушные аксессуарные приключенческого жанра, не путайте живой жизни с вашими вымыслами!

Незнание жизни Ю. Смолич инстинктивно стремится возместить не только сюжетной остротой, но и натуралистическими подробностями описаний и пейзажей и, главным образом, на страницах романа офицанта вольнолюбивого бюджета, и автор интересуется в ней все — от «малюсенького мажоранта» «сожженных перигарлетов» и так во всем, большим и малом, подробностями, подробностями, подробностями, в которых талантливые штрихи и наблюдения смешаны с несущественными, засоряющими роман частностями.

Но если от этого можно избавиться с помощью редакторского карандаша, то ложная философичность и мнимая интеллектуальность вошли в самую плоть произведения.

Юрий Смолич, пожалуй, наиболее активный из украинских прозаиков. Пока критика называет и ренегатирует его, определенное прозаическое, он успевает выступить с новым романом или повестью. Разбор прежней книги уже кажется устаревшим, ненужным. Дело резко подвигается дальше газетных рецензий. Поэтому и «пресса» на творчество Ю. Смолича, в сравнении с его многоликой продукцией, количественно незначительна.

Мы говорим о творческой продуктивности Ю. Смолича без иронии и упрека. Среди созданных им, особенно в тридцатые годы, есть серьезные, нужные книги. Писатель хорошо знает широкие круги читателей, ценит его сюжетное мастерство, его стремление не оставить их равнодушными.

Но труда писателя ценится не за то, что механически растет полочка написанных им книг, что книги эти, как одинаковые булочки, называются одна к другой. Мы хотим видеть рост писателя, идейный и художественный.

Последней — по времени написания — роман Ю. Смолича «Они не прошли» критика встретила словами резкого и справедливого осуждения. Теперь Ю. Смолич написал и опубликовал в 6-м и 7-м номерах украинского журнала «Вітчизна» новый роман «Мы вместе были в бою». В какой же мере этот роман исправляет прежние ошибки писателя? И исправляет ли он их?

«Мы вместе были в бою» — это своеобразная летопись жизни современной интеллигенции. Основное действие романа происходит после войны; его герои, инженер Станислав и девушка Мария, — люди, вступающие в новую жизнь страны. Станислав назначен директором института, в котором он учился, до начала войны, а Мария, невеста Станислава, уезжает в Среднюю Азию, чтобы поступить в геологический институт. Но в необыкновенной, только в романе достижимой быстротой она становится душой и одним из руководителей крупной геологоразведочной партии. Автор, в который раз повторяя замусоленный им самим мотив разлуки и невозможности встречи любящих людей, искусственно разделяет Станислава и Марию, читатель, до поры до времени, пререгали их встречу. Но, разумеется, все кончается счастливо. Всем же должен притти конец.

Современность в романе дается в сплетении с эпизодами войны и партизанского подполья. Вот так воевали мои герои — как бы говорит своему читателю Ю. Смолич. Он чувствует, что ничего не удовлетворит их скудно изображенное сегодня, а потому показывает и детальное, боевое вчера. Это должно придать цельность замыслу: кончилась война, но борьба двух миров, двух систем продолжается и сегодня, как и вчера; нужно быть бойцом, думать не об отдышке, а о великих целях, к которым идет весь советский народ. Вставные фронтовые эпизоды играют и другую роль в романе: с их помощью автор стремится показать особую сюжетную остроту всей вещи; чередуя эпизоды, относящиеся к сегодня и вчера, он обрывает их на самом, так сказать, возмущающем месте. «Ах — должен воскликнуть неискущенный читатель, — что же случится дальше?»

Но читатель не воскликнет этого и не станет особенно волноваться. В конце главы мы оканчиваем Марию в Карпатах в безысходном, трагическом положении. Однако он помнит, что тогда еще шла война, а теперь мир, и ему достоверно известно, что Мария выжила, уцелела и благополучно отбыла в Алма-Ату.

«Детективная форма» повисает в романе, как пиджак с чужого плеча, как мишурный, нелепый костюм, взятый напрокат в театральной костюмерной.

Чтяя роман «Мы вместе были в бою», хочется сказать автору: — Не хватало нас за шиворот, не слушайте неправдоподобным стечением обстоятельств, не удивляйте кажущейся сложностью и основательностью детективных «завитков». Остановитесь и дайте взглянуть на ваших героев, на их подлинный внутренний мир. Не превращайте наших современников в бездушные аксессуарные приключенческого жанра, не путайте живой жизни с вашими вымыслами!

Незнание жизни Ю. Смолич инстинктивно стремится возместить не только сюжетной остротой, но и натуралистическими подробностями описаний и пейзажей и, главным образом, на страницах романа офицанта вольнолюбивого бюджета, и автор интересуется в ней все — от «малюсенького мажоранта» «сожженных перигарлетов» и так во всем, большим и малом, подробностями, подробностями, подробностями, в которых талантливые штрихи и наблюдения смешаны с несущественными, засоряющими роман частностями.

Но если от этого можно избавиться с помощью редакторского карандаша, то ложная философичность и мнимая интеллектуальность вошли в самую плоть произведения.

Юрий Смолич, пожалуй, наиболее активный из украинских прозаиков. Пока критика называет и ренегатирует его, определенное прозаическое, он успевает выступить с новым романом или повестью. Разбор прежней книги уже кажется устаревшим, ненужным. Дело резко подвигается дальше газетных рецензий. Поэтому и «пресса» на творчество Ю. Смолича, в сравнении с его многоликой продукцией, количественно незначительна.

Мы говорим о творческой продуктивности Ю. Смолича без иронии и упрека. Среди созданных им, особенно в тридцатые годы, есть серьезные, нужные книги. Писатель хорошо знает широкие круги читателей, ценит его сюжетное мастерство, его стремление не оставить их равнодушными.

Но труда писателя ценится не за то, что механически растет полочка написанных им книг, что книги эти, как одинаковые булочки, называются одна к другой. Мы хотим видеть рост писателя, идейный и художественный.

Последней — по времени написания — роман Ю. Смолича «Они не прошли» критика встретила словами резкого и справедливого осуждения. Теперь Ю. Смолич написал и опубликовал в 6-м и 7-м номерах украинского журнала «Вітчизна» новый роман «Мы вместе были в бою». В какой же мере этот роман исправляет прежние ошибки писателя? И исправляет ли он их?

«Мы вместе были в бою» — это своеобразная летопись жизни современной интеллигенции. Основное действие романа происходит после войны; его герои, инженер Станислав и девушка Мария, — люди, вступающие в новую жизнь страны. Станислав назначен директором института, в котором он учился, до начала войны, а Мария, невеста Станислава, уезжает в Среднюю Азию, чтобы поступить в геологический институт. Но в необыкновенной, только в романе достижимой быстротой она становится душой и одним из руководителей крупной геологоразведочной партии. Автор

В. АЛЕКСАНДРОВ

Новаторство или эпигонство

О «сложности» и «простоте» и о противопоставлении их в нашей поэзии. Термины, разумеется, совершенно условные и существа дела не выражающие...

Вещь вопрошает, Но я молчу. Никто не знает, Что же хоту.

Условность и искусственность замысла «Неба над Родиной» не могли не сказаться на мисологах Леткина...

Мы на крутиль лоб акулий Опрокинем смерти кузлы На оболую пустым улей Ужасных тупых кузлы...

Не будет «находящийся» в предельном напряжении ленинчик подбирать слова с инстинктивной на «у».

Разумеется, в поэме есть сильные, чело- веческие строки — кто же собирается отри- цать дарование С. Кирсанова?

Из обоженных смертью гетто — их привели с детьми и женой. Там небо низкое сорвет ужасной сажей и золою.

Таких строк много, но они теряются — и в искусственности общего построения, и в соседстве со строчками, вроде следующих:

Сталкивающиеся, и сжигание, и соскапывающие части, Чванкающие и не лезущие и высказываю- щие все чаше...

Где уж тут думать о человеческих пере- живаниях, когда столько внимания раско- дуются на такие звукоподражательные и ритмические режеры.

И эти нововведения не новы, а другие возвращают нас к чему-то совсем уже ста- роданному.

Ветер Песю и вояю! И палы лиловую! Перед собою В облако дую.

С одной стороны, эти строки очень похо- жи на приводившиеся выше цитаты из прутковской мистерии (сходство, конечно, нечаянное); с другой стороны, здесь явствен- но ощущается бальмонтское дуновение («Я вольный ветер, я вольно вею»), еще более заметное в таких, например, строчках:

Он бледен бледно-голубой над бездной обещанной бо-...

А ведь Маяковский предупреждал: «до- зировать аллитерацию надо до чрезвычай- ности осторожно и по возможности не вы- пирающим наружу повторами!»

Бальмонтизм чистой воды: Влились с пеньем и кипеньем, с нетер- пеньем вытеска к судам...

Вихрь говорит, все его монологи имеют такое строение: С неба ринул крупный дождь, крупный дождь.

Косо режет, влагой нежит современную дождь. Это капли, капли, капли

Мчатся в жаждущую сушь... Что-то очень знакомое слышится, Кирсанов использовал — слегка модифициро- ванное — построение «Колоколо» Эдгара По.

Что можно сказать, когда такой разно- калиберный антиваркомундосный поэти- ческий магазин рекомендует нам, как некое революционно-новаторское начинание?

И главное — кто хозяин этой нестройной витрины? Тот самый С. Кирсанов, который считает себя вернейшим хранителем тради- ций Маяковского.

Мы понимаем новаторство совсем по-дру- гому. «Трудящиеся СССР — рабочие, кре- стьяне, интеллигенция — глубоко измени- лись за годы социалистического строитель- ства».

«...Стригают классовые грани между трудящимися СССР, исчезает старая клас- совая исключительность. Падают и стира- ются классовые преграды, политические про- тиворечия между рабочим, крестьянским и интеллигентским. Создается основа морально- политического единства общества».

Новаторство в нашей поэзии мы считаем то, что выражает эти великие общественные пере- мены и содействует им. Дело не только в тематической новизне. События возникают, как нечто большее, чем такая новая тема, овладеет которой можно было бы в преж- них поэтических формах. Вместе с той дей- ствительностью, которую отразила и выра- жала и в изменении которой активно уча- ствовала наша поэзия, не могли не меняться и способы выражения, средства поэтической выразительности (как это происходило — тема особой статьи). Только на этих пунк- тах утверждаются истинные традиции Маяк- овского.

Коротко говоря: подлинно новаторское в нашем искусстве органически связано с раз- личием народности в социалистическом об- ществе, с развитием советского, социали- стического демократизма. Всекие другие «новаторские» попытки будут формальными.

Возможности такого чисто-формального но- ваторства были исчерпаны уже давно в беспредельной живописи и заушной поэзии оно подошло к своему абсурдному, но ло- гическому пределу.

Определение «формализм» уже неодио- кратко применялось по отношению к неко- торым произведениям С. Кирсанова. Говоря о поэме «Небо над Родиной», я добавил бы еще одно определение: «эпигонство».

И все же я отнюдь не считаю публика- цию этой поэмы ошибкой. Было бы очень прискорбно, если бы это произведение, из- за чьих впадов страхов, осталось под спудом. Издание поэмы вносит необходимую ясность в жизненно-важный вопрос о так называемой «простоте» и так называемой «сложности» поэзии.

И все же я отнюдь не считаю публика- цию этой поэмы ошибкой. Было бы очень прискорбно, если бы это произведение, из- за чьих впадов страхов, осталось под спудом.

Определение «формализм» уже неодио- кратко применялось по отношению к неко- торым произведениям С. Кирсанова. Говоря о поэме «Небо над Родиной», я добавил бы еще одно определение: «эпигонство».

И все же я отнюдь не считаю публика- цию этой поэмы ошибкой. Было бы очень прискорбно, если бы это произведение, из- за чьих впадов страхов, осталось под спудом.

Определение «формализм» уже неодио- кратко применялось по отношению к неко- торым произведениям С. Кирсанова. Говоря о поэме «Небо над Родиной», я добавил бы еще одно определение: «эпигонство».

И все же я отнюдь не считаю публика- цию этой поэмы ошибкой. Было бы очень прискорбно, если бы это произведение, из- за чьих впадов страхов, осталось под спудом.

Определение «формализм» уже неодио- кратко применялось по отношению к неко- торым произведениям С. Кирсанова. Говоря о поэме «Небо над Родиной», я добавил бы еще одно определение: «эпигонство».

И все же я отнюдь не считаю публика- цию этой поэмы ошибкой. Было бы очень прискорбно, если бы это произведение, из- за чьих впадов страхов, осталось под спудом.

Определение «формализм» уже неодио- кратко применялось по отношению к неко- торым произведениям С. Кирсанова. Говоря о поэме «Небо над Родиной», я добавил бы еще одно определение: «эпигонство».

И все же я отнюдь не считаю публика- цию этой поэмы ошибкой. Было бы очень прискорбно, если бы это произведение, из- за чьих впадов страхов, осталось под спудом.

Определение «формализм» уже неодио- кратко применялось по отношению к неко- торым произведениям С. Кирсанова. Говоря о поэме «Небо над Родиной», я добавил бы еще одно определение: «эпигонство».

И все же я отнюдь не считаю публика- цию этой поэмы ошибкой. Было бы очень прискорбно, если бы это произведение, из- за чьих впадов страхов, осталось под спудом.

Определение «формализм» уже неодио- кратко применялось по отношению к неко- торым произведениям С. Кирсанова. Говоря о поэме «Небо над Родиной», я добавил бы еще одно определение: «эпигонство».

П. Антокольского и критика В. Александрова о поэме С. Кирсанова «Небо над Родиной». Редакция полагает, что это обсуждение поможет читате- лю разобраться в своих впечатлениях от поэмы и дать ей объективную оценку.

П. Антокольский не видит в поэме С. Кирсанова никаких недостатков и пишет о ней так, как мож- но писать о совершеннейшем произведении искус- ства. Такой некритический подход неправилен в применении к любому литературному явлению. Он явно неправилен и в оценке поэмы С. Кирса- нова, в которой, наряду с удачами, содержатся серьезные недостатки.

Ряд этих недостатков отмечен в статье В. Алек- сандрова.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

свойственны, скажем, классикам античности или ложноклассикам, с их Зевесами-громо- вержами и Фебами-солнцами. Нет! Советский поэт по-другому, по-своему раздвигает толщу мироздания. Это делает человек, иделенный богатством материалистической культуры, навыками точного знания. Это делает не только поэт, но и физик, и метеоролог, и географ, и астроном.

И если воображение отвлечено несет поэта на своем золотом крыле, открывая ему дали мироздания, то оно делает это бережно, дисциплинированно, со знанием, неизбеж- ным в умственном хозяйстве советского че- ловека. В этом новизна метода. Она сказыва- ется в каждом образе поэмы, в каждой строке. В ее фантастике — не миф, не сказки, а «Диалектика природы» Энгельса.

Вот Капля, мельничая чаша в круго- вороте мировых сил, вот ее коротенькая ав- тобиография, подсаженная поэтом.

Я зной была кристаллом — шестигранник кружевом! В марте чистой каплей стала, подурчилась с вышины. В яркой радуге стояла, уходящая в океан.

Что это? Фантастика? Да, но, кроме то- го — естественное, уверенное в своей аппаратуре, в своих линзах, пробирках, спектральном анализе.

Свет Облака, бесформенные скопления той же самой водной пыли, привлекающие с древнейших времен всех поэтов мира своей невероятностью, безмолвным флор всякого ли- рического пейзажа. Среди них, наверно, есть и тучка золотая, которая когда-то выла его плакать тихонько; есть и облачок летучая града, редоющая в романской фразе, у Кирсанова это самые деятельные участ- ники нашей борьбы. Облака помнят весь свой путь над землей. Они говорят, пере- бивают друг друга. Но так же могли бы об- меняться впечатлениями и летнички-наблюдатели, и военкоры, и кинооператоры.

Такова природа, вечный, материальный мир поэмы. Это не декорация, не условный фон, нужный в повествовании, но все же выполняющий служебную, пособную функ- цию. Нет, это основа произведения, при- дающая ему принципиальность и новизну.

Но замесит поэмы и глубже и, — я бы сказал, — пронзительнее, чем только нари- цовать картину мироздания, краской заин- тересованного в нашей борьбе. Он полон внутреннего драматизма: в конечном счете речь идет не об облаках и земле, а о самом человеке, о его судьбе и подвиге.

Силы природы, действующие в поэме, стоят полукругом, как хор античной тра- гедии. В середине полукруга — герой тра- гедии, одинокий в беде, но оисредствован- ный в социальных связях, — боец, явовой летчик, его решение — подвиг, рожденный подвигу Гастелло.

Действие поэмы стремительно движется к высочайшему напряжению. Все подступы повернуты сюда, к этой светящейся точке: к жарко боющемуся сердцу героя.

Герой поэмы, летчик, «решен» автором в четырехстороннем хоре. Казалось бы, самый ходовой и общедоступный размер. Многие считают его «плавным», легковесным, не приспособленным для большой нагрузки содержания. Но кирсановский хор звучит по-новому: как волевая сила. Маленькая жилища в семь-восемь слогов переупо- рядочивают действие, сменой действий. Это стенографическая запись мыслительной ра- боты человека, находящегося в предельном напряжении. Тут нет ничего условно поэти- ческого, нет условных красок стили. Только дело, только жизнь:

Мой мотор, ты ранен? Ранен! Пыль плывет по крылу. Дай же снова протарганим тебе сумрачную мглу. Налюбуйся отлетом! Яхалась-халась? Даши!

И дальше: Словоз воздушные сугробы, — принимаю смерть такую, вылет сорвав провалобый, я собою атакую...

Сила этих стихов — в точности. Это подлинное, с подлинным человеческой души верно. Здесь жалко вырывать и обрубать цитаты, стихи сказали бы сами за себя без какого-нибудь прозаического комментария.

Из этой стихотворной речи сценария, она идет того, чтобы быть произнесенной всегда, ждет артистической чутки, жеста. Тогда ее действительность и заразительность проявят- ся с еще большей силой.

Семен Кирсанов. «Небо над Родиной», «Октя- брь» № 8, 1947 год.

Но поэма движется дальше. Ее последняя часть, четвертая (как обозначает автор, «четвертое явление»), происходит в глубоком тылу, за Уралом, после гибели героя, в дни окончания войны. Облака идущие с запада, рассказывают: о событиях на земле, о «красно-зеленых каскадах» над Москвою в день Победы.

Девушка поет простую и трогательную песню о своем милоте, о погибшем летчике. На Дворце Советов установлено его имя. Но слитное единство последней части со всей поэмой не только в личной или на- родной памяти о герое. Оно и не в чувстве заново расцветающей, мощной жизни на земле. Единство это глубже, и раскрывается оно в нескольких очень важных для пони- мания автора мыслях, которые высказаны прямо. Вот что говорит Туш:

Я все запомнила, как было, и мне по слезам жизнь жила. Поэт мне дал понятный голос, — онбавил меня душу в небо. Я человека полюбила. И, как он, разбейтеся камнями об колоде, и возродитесь в новом хлебе.

Вот какими словами завершает повество- вание Земля:

Вбираю, слылаю простую каплю, что век от века несется с неба вниз — ради хлеба для человека.

Таким образом, хор стихийных сил до- гваривает последнее слово песни. И, поистине, этого слова «из песни не выки- нешь». Так связываются концы с концами, и поэма Кирсанова приобретает устойчивый, философский смысл. Поэт приобщил природу к человеческой драме не зря, не ради выходящего эффекта. Это не театральная игра в мистицизм.

Природа — мощная участница нашей борьбы и работы, труда и друг человека. Вот ради чего поэт «дал понятный голос» облакам и крохотной дождевке, ветру и самой земле. Во всех их мощной симфонии звуков воскресает героическая, жертвенная душа погибшего воина: «И я, как он, упалъ жемло!» — так говорит сама природа, став- шая преданной участницей лучшего своего сына.

3. Надо быть очень глухим к слову челове- ком, чтобы не почувствовать ясно и глубо- кого смысла этого произведения. Смысл этот, поистине, прост. Правда его света и человечна. Средства языка и ритма служат для ее выражения без обиняков, без зате- няющих и усложняющих прикрас, впрямую и честно. И если до сей поры богатейший арсенал средств внешнего выражения, которыми обладает Кирсанов, не однажды вводил его в сторону, то здесь этого не случилось. И если средства и на этот раз не маленькие, то отобраны они толково, в полном самообладании. Это сделал худож- ник, уверенный в своих силах, зрелый и по- своему мудрый.

Поэма «Небо над Родиной» является од- ним из лучших достижений послевоенной советской поэзии.

То, что в дни войны было фронтовым, дневниковым и блокнотным, непосред- ственным откликом на непосредственно проис- ходящее, сегодня идет выражения в ретро- спективной оглядке, выражения более глубо- кой и объемной, в других формах, в поэти- ческом эпосе и поэтической драме. Поэма Кирсанова не зря названа «драматической».

Мы мечтаем о трагедии как о вершине поэтического творчества. О трагедии народ- ной, обращенной к огромному числу зрите- лей и нужной им, как воздух и хлеб. О тра- гедии общающей и правдивой, смело смотрящей в лицо гибели, и при этом бес- предельно оптимистичной. «Беспредельно» — это сказано не зря: чем глубже горе, чем тяжелее утрата, тем сильнее их преодо- ление. В этом существе трагического искус- ства. Оно противоположно пессимизму, оно противоположно пессимизму. Трагедия может вывернуть человека назнанку, но человек в конечном счете поклонится ей в погн за громадный урок о вечном торжестве жизни. На подступах к такой трагедии, к такому высокому искусству стоит произве- дение Кирсанова. В этом отношении оно народно, проникнуто любовью к советской земле и героическому советскому человеку.

«Небо над Родиной» представляет прямую находку для композитора. Ритмы этих, мно- гих и разных, голосов ждут симфонического сопровождения, они могут стать вокалом, хоромными ансамблями. Я очень ясно вижу Колонный зал или зал имени Чайковского, — Мравинского за дирижерским пультом, Обухову и Лемешеву в числе обязательных солистов и запевал могучего трехголосого хора, — таким должно быть первое испол- нение поэмы, «Небо над Родиной» Хачатуря- на или Шостаковича! И оно будет праздни- ком всего советского искусства.

Все вышеупомянутое продиктовано только одним: восхищением работой товарища. Я хотел бы, чтобы оно оказалось убедитель- ным для читателя и зараило его.

Вбираю, слылаю простую каплю, что век от века несется с неба вниз — ради хлеба для человека.

Тех читателей, которые захотят разоб- раться в поэме С. Кирсанова, в первую оче- редь будет занимать, как мне кажется, сле- дующий вопрос: насколько убедительно и естественно, насколько органично для на- шей поэзии такое построение, в котором разговаривают друг с другом Земля, Облака, Туш, Капля, Ветер, Вихрь, Молот, Страх и т. д.?

Есть у Шелли стихотворение (перевому прозой), в котором говорит Облако: «Я проникаю сквозь поры океана и бере- гов; я меньше, но я не могу умереть.

Ибо после дождя, когда не запытан чистый воздух и ветры и солнечные лучи воздымают из своих косях отблесков сини воздушной купол, я безмолвно смеюсь над своей пустой гробницей, и из пещеры дожд- ей, как дитя из утробы, как призрак из могилы, я выхожу и вновь ее разрушаю».

Эти иттерфилософские переживания не могут иттерфилософские переживания, какое они имели для Шелли. Нам незачем обра- щаться с проблемами к Ветру: «О, подлинно меня, как волну, как лист, как тучу! Я подлинно на тернии жизни! Я истекую кровью!» Шелли больше не к кому было обратиться. Теперь такой призыв был бы риторикой. Мы живем в движении общественных сил, наша общественная основа ясна, осязаема, определена. И когда Ветры и Облака по-

Вбираю, слылаю простую каплю, что век от века несется с неба вниз — ради хлеба для человека.

Тех читателей, которые захотят разоб- раться в поэме С. Кирсанова, в первую оче- редь будет занимать, как мне кажется, сле- дующий вопрос: насколько убедительно и естественно, насколько органично для на- шей поэзии такое построение, в котором разговаривают друг с другом Земля, Облака, Туш, Капля, Ветер, Вихрь, Молот, Страх и т. д.?

Есть у Шелли стихотворение (перевому прозой), в котором говорит Облако: «Я проникаю сквозь поры океана и бере- гов; я меньше, но я не могу умереть.

Ибо после дождя, когда не запытан чистый воздух и ветры и солнечные лучи воздымают из своих косях отблесков сини воздушной купол, я безмолвно смеюсь над своей пустой гробницей, и из пещеры дожд- ей, как дитя из утробы, как призрак из могилы, я выхожу и вновь ее разрушаю».

Эти иттерфилософские переживания не могут иттерфилософские переживания, какое они имели для Шелли. Нам незачем обра- щаться с проблемами к Ветру: «О, подлинно меня, как волну, как лист, как тучу! Я подлинно на тернии жизни! Я истекую кровью!» Шелли больше не к кому было обратиться. Теперь такой призыв был бы риторикой. Мы живем в движении общественных сил, наша общественная основа ясна, осязаема, определена. И когда Ветры и Облака по-

Вбираю, слылаю простую каплю, что век от века несется с неба вниз — ради хлеба для человека.

Тех читателей, которые захотят разоб- раться в поэме С. Кирсанова, в первую оче- редь будет занимать, как мне кажется, сле- дующий вопрос: насколько убедительно и естественно, насколько органично для на- шей поэзии такое построение, в котором разговаривают друг с другом Земля, Облака, Туш, Капля, Ветер, Вихрь, Молот, Страх и т. д.?

Есть у Шелли стихотворение (перевому прозой), в котором говорит Облако: «Я проникаю сквозь поры океана и бере- гов; я меньше, но я не могу умереть.

Ибо после дождя, когда не запытан чистый воздух и ветры и солнечные лучи воздымают из своих косях отблесков сини воздушной купол, я безмолвно смеюсь над своей пустой гробницей, и из пещеры дожд- ей, как дитя из утробы, как призрак из могилы, я выхожу и вновь ее разрушаю».

Эти иттерфилософские переживания не могут иттерфилософские переживания, какое они имели для Шелли. Нам незачем обра- щаться с проблемами к Ветру: «О, подлинно меня, как волну, как лист, как тучу! Я подлинно на тернии жизни! Я истекую кровью!» Шелли больше не к кому было обратиться. Теперь такой призыв был бы риторикой. Мы живем в движении общественных сил, наша общественная основа ясна, осязаема, определена. И когда Ветры и Облака по-

Вбираю, слылаю простую каплю, что век от века несется с неба вниз — ради хлеба для человека.

Тех читателей, которые захотят разоб- раться в поэме С. Кирсанова, в первую оче- редь будет занимать, как мне кажется, сле- дующий вопрос: насколько убедительно и естественно, насколько органично для на- шей поэзии такое построение, в котором разговаривают друг с другом Земля, Облака, Туш, Капля, Ветер, Вихрь, Молот, Страх и т. д.?

Есть у Шелли стихотворение (перевому прозой), в котором говорит Облако: «Я проникаю сквозь поры океана и бере- гов; я меньше, но я не могу умереть.

Ибо после дождя, когда не запытан чистый воздух и ветры и солнечные лучи воздымают из своих косях отблесков сини воздушной купол, я безмолвно смеюсь над своей пустой гробницей, и из пещеры дожд- ей, как дитя из утробы, как призрак из могилы, я выхожу и вновь ее разрушаю».

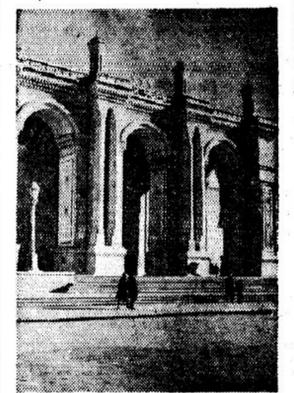
Эти иттерфилософские переживания не могут иттерфилософские переживания, какое они имели для Шелли. Нам незачем обра- щаться с проблемами к Ветру: «О, подлинно меня, как волну, как лист, как тучу! Я подлинно на тернии жизни! Я истекую кровью!» Шелли больше не к кому было обратиться. Теперь такой призыв был бы риторикой. Мы живем в движении общественных сил, наша общественная основа ясна, осязаема, определена. И когда Ветры и Облака по-

Вбираю, слылаю простую каплю, что век от века несется с неба вниз — ради хлеба для человека.

Тех читателей, которые захотят разоб- раться в поэме С. Кирсанова, в первую оче- редь будет занимать, как мне кажется, сле- дующий вопрос: насколько убедительно и естественно, насколько органично для на- шей поэзии такое построение, в котором разговаривают друг с другом Земля, Облака, Туш, Капля, Ветер, Вихрь, Молот, Страх и т. д.?

Есть у Шелли стихотворение (перевому прозой), в котором говорит Облако: «Я проникаю сквозь поры океана и бере- гов; я меньше, но я не могу умереть.

Ибо после дождя, когда не запытан чистый воздух и ветры и солнечные лучи воздымают из своих косях отблесков сини воздушной купол, я безмолвно смеюсь над своей пустой гробницей, и из пещеры дожд- ей, как дитя из утробы, как призрак из могилы, я выхожу и вновь ее разрушаю».

В Ташкенте по проекту академика А. В. Шухера закончено строительство крупнейшего в Средней Азии здания оперного театра, рассчитанного на 1200 зрителей. Стены и потолок театра украшены узбекскими орнаментами, парадный балханий зал имеет расшитый золотом. Полностью и отгладил хрусталь люстра весит 1200 килограммов. В первом здании начинаются гастроли Узбекского государственного театра оперы и балета. НА СНИМКЕ: главный вход в новый театр.

В Союзе писателей

15 декабря открывается расширенное заседание Президиума Союза советских писателей совместно с членами правления и активом писателей. В повестке дня три вопроса: доклад директора издательства «Советский писатель» Г. Яцева — о книгах, изданных в 1947 году, доклад главного редактора «Литературной газеты» В. Ермилова — о работе газеты; выдвижение кандидатур на соискание Сталинских премий в области художественной литературы за 1947 год.

Три дня длилось пленарное заседание, созданное Всесоюзной комиссией по работе с молодыми авторами при ЦСП СССР. В заседании приняли участие представители республиканских комиссий.

После вступительного слова А. Твардовского были заслушаны сообщения П. Воронко — о состоянии работы с молодыми писателями, А. Гончара и М. Шеремет о литературной молодежи Украины. С сообщением о работе республиканских комиссий и творчестве молодых писателей братских республик выступили А. Бурдзель (БССР), С. Арутюнян (Армения), М. Рагим (Азербайджан), К. Курбансахатов (Туркмени), В. Мазуронас (Литва), Р. Парве (Эстония), В. Лукс (Латвия), Л. Корняк (Молдавия), Р. Бабаджанов (Узбекистан), Я. Шиваза (Киргизия), А. Тимонен (Карело-Финская ССР), М. Дудин (Ленинград), М. Максимов (Омск) и др.

Последний день работы был посвящен приемным по заслушанным сообщениям. Е. Долматовский говорил о произведениях молодых писателей в центральных, республиканских и областных молодежных газетах; С. Трегуб — о задачах критики в работе с молодыми авторами и о воспитании молодых критиков. С обзором первых книг молодых авторов выступил А. Тарасенков.

В скором времени выйдет в свет № 2 еврейского альманаха «Геймланд». Альманах выходит под редакцией А. Куцнирова (главный редактор), Д. Бергelsona, А. Вергельса, С. Галкина, И. Добрушина, Л. Квитко, П. Маркиша, Р. Рубиной, Л. Стронгина и И. Фераера.

В Союзе писателей образована новая секция — сатиры и юмора. На организационном собрании под председательством Вс. Вишневского писатели говорили о необходи- мости повышения идейно-художественного уровня произведений советских сатириков. После обмена мнениями было избрано бюро в составе: В. Ардова, А. Безыменского, В. Катаева, В. Лебедева-Кумача, Л. Ленца, С. Михалкова, Г. Рыкина (председатель), Я. Сашина, М. Слободского и М. Эзеля.

СБОРНИК ПАМЯТИ В. Г. БЕЛИНСКОГО

К столетию со дня смерти В. Г. Белинского, исполняющемуся в 1948 году. Институт мировой литературы им. А. М. Горького готовит большой сборник «Белинский — историк и теоретик литературы».

В сборник войдут статьи А. Лавренского, А. Цейтлина, А. Иващенко, В. Кулешова и др. Ряд исследований показывает связь Белинского с корнями русской классицистической литературы, великое значение критика в формировании русского реализма. В эту серию входят работы Д. Благоева «Белинский и Пушкин», Н. Степанова «Белинский и Гоголь», Н. Бродского «Белинский и Тургенев», В. Кириллова «Достоевский и Белинский».

Заключительную часть сборника составят статьи А. Мясникова «Плеخانов и Белинский» и большое исследование Б. Яковлева «Белинский и революционный марксизм», заключающее в себе исчерпывающий свод высказываний классиков марксизма-ленинизма о великом критике.

ОЧЕРЕДНЫЕ ТОМА «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

В скором времени выйдет в свет четвертый том «Истории русской литературы», являющийся коллективным трудом научных сотрудников Института Литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Том посвящен русской литературе второй половины XVIII века.

Издание Академии наук СССР готовит к печати шестой том «Истории», охватывающий литературу пушкинской поры. Центральное место в нем занимает раздел о Пушкине. Особые разделы посвящены литературе декабристского движения и творчеству отдельных его представителей (К. Ф. Рылееву, В. К. Кюхельбекеру, А. И. Одоевскому и др.). А также писателям-современникам Пушкина — А. А. Дельвигу, П. А. Вяземскому и др. Заключается книга факлов о журналистике 20—30-х годов XIX века.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ Всем почтительным меня своим приветом в день моего 80-летия — организатором, товарищем-инженером, артистом, старшим из молодых друзей — пишу мое глубокое, сердечное благодарное за неизменное радость и внимание. Заслуженный деятель искусств Николай ТЕЛЕШОВ.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТН, И. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Считая необходимым для дальнейших успехов советской литературы развертывание творческих дискуссий, широкой, прямой и принципиальной большевистской критики и самокритики, редакция «Литературной газеты» вводит на своих страницах отдел литературных дискуссий. Любое литературное произведение, как бы оно ни было ценно и талантливо, нуждается в требовательной идейно-художественной критике. Споры о литературных явлениях должны помочь определению ценности различных литературных явлений, их роли в жизни нашего народа, их сильных и слабых сторон. Редакция приглашает к участию в литературных дискуссиях писателей, критиков и читателей.

Мы печатаем в настоящем номере статьи поэта

На подступах к трагедии

В нашей критике не раз (в том числе и в последнее время) поднимался вопрос о поэзии простой и сложной, о преимуществе простой, поскольку она сразу, непосредственно доходит до очень большого числа читателей, не требует от них дополнительных затрат внимания или